MOCKOBCKING MOCKO

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

А.П. ГОРСКИЙ. **БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ. 1946 ГОД.** ХОЛСТ, МАСЛО. 1962 ГОД №5 (317). MAЙ 2017

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Основан Н.М. Карамзиным в 1791 году. Возобновлен в 1991 году

Литературнохудожественный, историкокраеведческий журнал

Главный редактор Анна Филипповна Грушина

Редколлегия:

Митрополит Истринский Арсений (Епифанов), Г.В. Аксенова, А.А. Белай, С.Ю. Житенёв, В.Ф. Козлов, В.В. Максименко

Художник-верстальщик С.А. Алопин Редактор-корректор А.Э. Варчева

Учредитель: АО «Редакция газеты "Вечерняя Москва"». 2017

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

Адрес редакции и издателя: 127015, Москва, Бумажный проезд, д. 14, стр. 2 Телефон: (499) 557-04-27, доб. 414, 416 E-mail: mosmag@mosjour.ru Официальный сайт: www.mosjour.ru Рекламная служба: (499) 557-04-03 E-mail: reklama@vm.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство № ФС77-62785 от 18.08.2015 г.

Подписано к печати 14.04.2017. Печать офсетная. Объем 12 п. л. Формат 64 × 90/8. Тираж 42 000 экз. Цена договорная. Заказ № 26942. ОАО «Подольская фабрика офсетной печати» 142100, Московская обл., г. Подольск, Революционный просп., д. 80/42 Материалы основных рубрик

рецензируются.

B HOMEPE:

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОММЕНТАРИИ

ИСТОРИКО- 2 Валерий Борисович Перхавко Чаяние прошлого Александр Сергеевич Пушкин как историк

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ 12 Наталия Александровна Филаткина

Завалино Об этой усадьбе и ее последних владельцах — семействе

Николая Васильевича (1868-1919) и Алевтины Геннадьевны (1876-1919) Ненароковых (по сохранившимся письмам)

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 18 Вячеслав Васильевич Сигаев МОСКОВСКОГО СТАРОЖИЛА

Неспешно по Бегам Воспоминания

РУСЬ ПРАВОСЛАВНАЯ 35 Валерий Николаевич Сергеев

Традиция, идущая из глубины веков Местночтимые святые, неканонизированные подвижники благочестия. «вживе сущие» на старинных и современных русских иконах

ИЗ ИСТОРИИ РЕМЕСЕЛ 42 Татьяна Владимировна Руденко «Все эти прозрачные платья...» Об отечественных производителях одежды и сопутствующих изделий (XIX век)

МОСКВА

ИСЧЕЗНУВШАЯ 55 Владимир Александрович Киприн, Алексей Геннадьевич Снедков Чудов монастырь Страницы истории

НРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ 65 Екатерина Адольфовна Берг «Население смешанное...» Из жизни отдыхающих (1920-1930-е годы)

БЫЛОЕ 70 Иван Анатольевич Ганичев Слободской дворец. 1812 год О здании, где император Александр І встречался с московским дворянством

и купечеством

МАСТЕРА 74 Андрей Анатольевич Глушецкий «Слит сей колокол...» О московском колокольном заводе Астраханцева — Зенкович

НА НИВЕ НАРОДНОГО 78 «Истинный Учитель» ПРОСВЕЩЕНИЯ

О выдающемся якутском педагоге Михаиле Андреевиче Алексееве (1917—1995)*

РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

КАРАНДАШОМ, 91 Валерий Владимирович Акимов Скульптор Валерия Ивановна Морозова (1926-2015) Краткий очерк жизни и творчества

Валерий Борисович Перхавко

Чаяние прошлого

Александр Сергеевич Пушкин как историк

П.Ф. Соколов. **Портрет А.С. Пушкина.** Акварель. 1836 год

Историзм — основная черта пушкинского творчества, основная стихия его гения.

Г.В. Вернадский

Библиотека А.С. Пушкина насчитывала более 400 томов, из них треть — издания по истории. В его книжном собрании хранились «История государства Российского» Н.М. Карамзина, первые выпуски русских летописей, «История русского народа» Н.А. Полевого, «Деяния Петра Великого» И.И. Голикова, труды М.М. Щербатова, Г.П. Успенского, А.Л. Шлецера,

Ф. Гизо, Ж. Мишле, О. Тьерри... «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал», — заявлял Александр Сергеевич в письме 1836 года к П.Я. Чаадаеву.

Благодаря лицейского однокашника барона М.А. Корфа за присылку нужного ему

каталога иноязычных сочинений о России, А.С. Пушкин восклицал: «Какое поле — эта новейшая русская история! И как подумаешь, что оно вовсе еще не обработано и что кроме нас, русских, никто того не может и предпринять».

Поэт интересовался собственными корнями и с гордостью писал в стихотворении «Моя родословная»:

Мой предок Рача мышцей бранной Святому Невскому служил; Его потомство гнев венчанный, Иван IV пощадил. Водились Пушкины с царями; Из них был славен не один, Когда тягался с поляками Нижегородский мещанин.

Рача (правильно — Ратша) пришел на русские земли с южного побережья Балтийского моря еще в XII веке. В дружине Александра Невского служил его правнук Гаврило Алексич, чей потомок звался Григорий Пушка (отсюда и фамилия). Александра Сергеевича ввел в заблуждение родословец XVII века, где ошибочно говорится: «Во дни благоверного великого князя Александра Ярославича Невского прииде из Немец муж честен, именем Ратша».

Б.М. Кустодиев. **А.С. Пушкин на набережной Невы.** 1915 год

Предки А.С. Пушкина участвовали в крупнейших событиях на пути становления русской государственности — от Куликовской битвы до Смутного времени. В неоконченной поэме «Езерский» поэт писал:

Люблю от бабушки московской Я слушать толки о родне, Об отдаленной старине. Могучих предков правнук бедный, Люблю встречать их имена В двух-трех строках Карамзина.

К.А. Сомов. Портрет А.С. Пушкина. 1899 год. Государственный музей имени А.С. Пушкина

Знаменательны в данной связи слова И.С. Аксакова: «Любовь Пушкина к предкам давала и питала живое здоровое историческое чувство. Ему было приятно иметь через них, так сказать, реальную связь с родною историей, состоять как бы в историческом свойстве и с Александром Невским, и с Иоаннами, и с Годуновым. Русская летопись уже не представлялась ему <...> чем-то отрешенным, мертвою хартией, но как бы семейною хроникой».

* * *

Пушкин, однако, исследовал не только собственную родословную. На Украине он пытался отыскать следы могил римского поэта Овидия, царя Митридата, гетмана И.С. Мазепы. В круг общения поэта входили крупнейшие археологи — А.Н. Оленин, З. Доленга-Ходаковский, И.П. Бларамберг, И.А. Стемпковский. Не случайно

и Евгений Онегин во внезапном порыве отправляется по историческим местам Руси. В ранней редакции «Путешествия Онегина» читаем:

Среди равнины полудикой Он видит Новгород-великой. Смирились площади — средь них Мятежный колокол утих, Не бродят тени великанов: Завоеватель скандинав, Законодатель Ярослав С четою грозных Иоаннов, И вкруг поникнувших церквей Кипит народ минувших дней.

Тоска, тоска! спешит Евгений Скорее далее: теперь Мелькают мельком, будто тени, Пред ним Валдай, Торжок и Тверь.

Сам Пушкин, увлеченный стариной, побывал во Владимире, Новгороде Великом, Пскове, Чернигове. При этом о петербургской Кунсткамере, бедной реликвиями отечественной истории, он в шуточной поэме «Царь Никита и сорок его дочерей» отзывается довольно пренебрежительно: «две ехидны, два скелета».

* * *

А.С. Пушкин внимательно изучал «Слово о полку Игореве» и спорил с теми, кто сомневался в аутентичности этого литературного памятника Древней Руси: «Других доказательств нет, как слова самого пес-

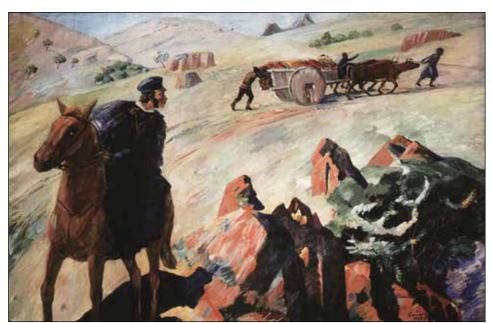

В.И. Шухаев. Портрет Пушкина. 1960 год

нотворца. Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта? Карамзин? но Карамзин не поэт. Державин? но Державин не знал и русского языка, не только языка "Песни о полку Игореве". Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколь находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы

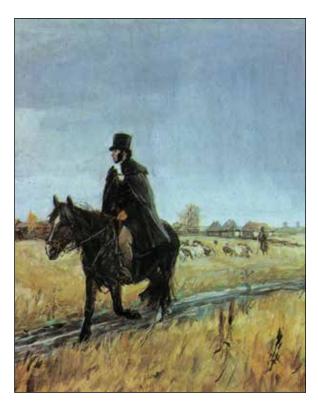
П.Т. Фомин. Пушкин по дороге из Тригорского в Михайловское. 1962 год

М.Г. Сарьян.
Встреча Пушкина с повозкой, везущей тело
Грибоедова.
1936—1937 годы.
Харьковский художественный музей

и бегства. Кому пришло бы в голову взять в предмет песни темный поход неизвестного князя? Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других славянских наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления?»

Посетив Московский университет, А.С. Пушкин горячо дискутировал с профессорами, о чем позже поведал И.А. Гончаров: «"Помню, — сказал мне очевидец,

А.А. Пластов. Пушкин в Болдине. 1949 год

тогдашний студент, — помню, как сквозь седины Каченовского (историк М.Т. Каченовский. — В. П.) проступал яркий румянец и как горели глаза Пушкина". <...> Пушкин угадывал только чутьем то, что уже после него подтвердила новая школа филологии неопровержимыми данными».

Александр Сергеевич хотел подготовить комментированное издание «Слова о полку Игореве» и, по свидетельству современников, обсуждал этот замысел за несколько дней до гибели. Как вспоминал С.П. Шевырев, поэт знал наизусть это произведение, с которым, судя по тексту «Руслана и Людмилы» (1820), познакомился еще в молодости:

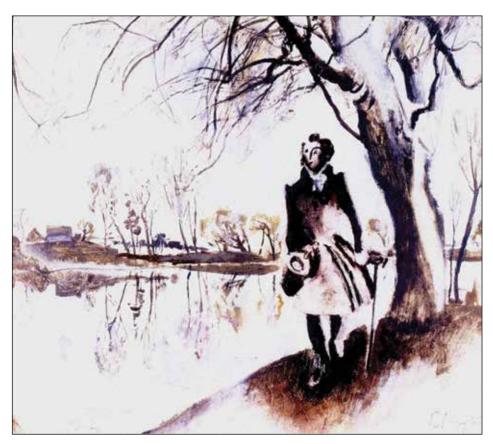
Но вдруг раздался глас приятный И звонкий гуслей беглый звук... Все смолкли, слушают Баяна... <...>

Поставят тихий гроб Русланов, И струны громкие Баянов Не будут говорить о нем!

* * *

Отвечая на вопрос П.А. Вяземского о плане трагедии «Борис Годунов», А.С. Пушкин писал: «Возьми конец десятого и весь одиннадцатый том («Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. — В. П.) — вот тебе и план». Подобный ответ от Пушкина получил и Н.Н. Раевский-младший, однако не согласился с поэтом: «Я хотел бы, чтобы Вы сами обратились к источникам, из которых черпал Карамзин, а не ограничивались только его пересказом». Николай Николаевич

Е.Е. Моисеенко.
А.С. Пушкин
в Болдине.
1974 год.
Днепропетровский
художественный
музей

не знал, что Пушкин также использовал «Сказание Авраамия Палицына», летописи XVI—XVII веков, в которых «старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени». Вот что он сам говорил о своей работе над образом одного из героев: «Характер

М.С. Родионов. **Пушкин и Петр I.** Иллюстрация к поэме «Полтава». 1951 год

Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях». Изучая эпоху рубежа XVI—XVII веков, поэт в одном из писем 1825 года просил В.А. Жуковского: «Нельзя ли мне доставить или жизнь Железного колпака, или житие какого-нибудь юродивого. Я напрасно искал Василия Блаженного в Четьих Минеях — а мне бы очень нужно». Здесь А.С. Пушкин упоминает блаженного Иоанна Московского (XVI век) по прозвищу Большой (или Железный) Колпак, который в трагедии выведен как юродивый Николка.

* * *

Личность Петра I волновала воображение А.С. Пушкина всю жизнь. Уже в «Заметках по русской истории XVIII века» (1822) поэт писал: «По смерти Петра I движение, переданное сильным человеком, все еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного. Связи древнего порядка вещей были прерваны навеки; воспоминания старины мало-помалу исчезали. Народ, упорным постоянством удержав бороду и русский кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр. Новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения. Граждан-

ские и военные чиновники более и более умножались: иностранцы, в то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластический педантизм по-прежнему приносил свою неприметную пользу. Отечественные таланты стали изредка появляться и щедро были награждаемы». Позже интерес к грозному самодержцу не ослабевал, о чем свидетельствовал М.П. Погодин: «В последние годы Петр Великий занимал все его (Пушкина. — **В. П.**) внимание. С усердием перечитал он все документы, относящиеся к жизни великого нашего преобразователя, все сочинения, о нем писанные». Характерны строки из «Медного всадника»:

Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

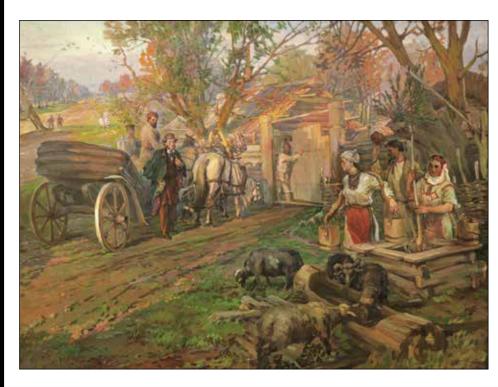
А.С. Пушкин ясно сознавал двойственный характер петровских преобразований: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами, первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется,

писаны кнутом. Первые были для вечности или по крайней мере для будущего, вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика».

Подводя итоги правления Петра I, Пушкин отмечал в статье «О ничтожестве литературы русской» (1834): «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы».

После Петра, по мнению Пушкина, «ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностию подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе». Свое осуждение автор лаконично комментирует: «Доказательства тому царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона и сладострастной Елисаветы».

Попытка всесторонне раскрыть тему в труде «История Петра I» осталась, как известно, незавершенной. Не нашли воплощения и другие подобные замыслы поэта (история Павла I, история Камчатки, история Малороссии, история Французской революции), однако уже их наличие говорит о многом.

Н.К. Сверчков. Приезд Пушкина в чувашское село. 1952 год. Чувашский художественный музей

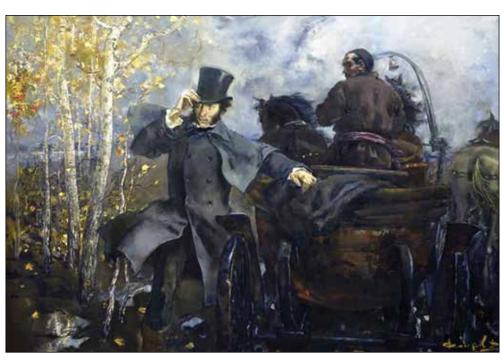
* * *

Собирая материал для «Истории Пугачевского бунта», А.С. Пушкин в 1833 году объехал Казанскую, Оренбургскую, Пензенскую и Симбирскую губернии, где искал живые предания и очевидцев тех событий. В городке Васильсурске он услышал историю о расправе Пугачева над командиром местной инвалидной команды майором Юрловым. Из Казани Александр Сергеевич писал супруге: «Здесь я возился со стариками, современниками моего героя; объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторо-

казни астронома Г.М. Ловица — Пугачев, узнав, что ученый «наблюдал течение светил небесных», повесил несчастного «поближе к звездам».

В Оренбурге Александра Сергеевича принимал В.И. Даль, оставивший об этом забавные воспоминания:

«Мы поехали в Берды, бывшую столицу Пугачева, который сидел там — как мы сейчас видели — на престоле. <...> Пора была рабочая, казаков ни души не было дома; но мы отыскали старуху, которая знала, видела и помнила Пугача. Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец, где разбойник казнил несколько верных

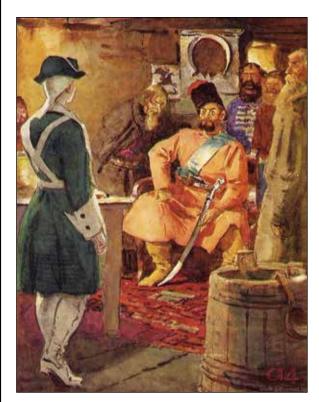

В.К. Федоров. По следам Пугачева. 1991 год

ну». В частности, поэт виделся там с жителем Суконной слободы Бабиным, гулял с ним по Арскому полю, где стояли пугачевцы перед взятием города, посетил Немецкое кладбище — месторасположение артиллерии бунтовщиков. Профессор Казанского университета К.Ф. Фукс поделился со столичным гостем подробностями нашествия пугачевских отрядов, а также познакомил его с купцом Крупенниковым, который побывал у Пугачева в плену. Тот в подробностях рассказывал о грандиозном пожаре, уничтожившем большую часть Казани в ночь после ее захвата. В Симбирске Пушкин встретился с П.М. Языковым, получив от него рукопись неопубликованного труда краеведа П.И. Рычкова «Описание осады Оренбурга»; там же познакомился с эпизодом

долгу своему сынов отечества; указали на гребни, где, по преданию, лежит огромный клад Пугача, зашитый в рубаху, засыпанный землей и покрытый трупом человеческим, чтобы отвесть всякое подозрение и обмануть кладоискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это — простая могила. Старуха спела также несколько песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощанье червонец.

Мы уехали в город, но червонец наделал большую суматоху. Бабы и старики не могли понять, на что было чужому приезжему человеку расспрашивать с таким жаром о разбойнике и самозванце, с именем которого было связано в том краю столько страшных воспоминаний, но еще менее постигали они, за что было отдать черво-

С.В. Герасимов. В Бердской слободе (Гринев у Пугачева). 1952 год

нец. Дело показалось им подозрительным: чтобы-де после не отвечать за такие разговоры, чтобы опять не дожить до какого греха да напасти. И казаки на другой же день снарядили подводу в Оренбург, привезли и старуху, и роковой червонец и донесли:

О.А. Кипренский. Портрет А.С. Пушкина. Холст, масло. 1827 год. Государственная Третьяковская галерея

"Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметами: собой невелик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый, и подбивал под "пугачевщину" и дарил золотом; должен быть антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти". Пушкин много тому смеялся». (Простой народ поразил маникюр поэта, который можно видеть на пушкинском портрете кисти О.А. Кипренского.)

Важным подспорьем в работе были секретные документы из архива Инспекторского департамента Военного министерства: донесения А.В. Суворова за 1789—1791 годы и материалы Секретной экспедиции Военной коллегии. Примечательными источниками являлись изданные в 1809 году «Анекдоты о бунтовщике и самозванце Емельке Пугачеве» и напечатан-

Пушкин беседовал со многими жителями Бердской слободы. Среди них была казачка Бунтова, которая помнила Пугачева

ная анонимно в журнале «Сборник новой истории и географии» статья «Достоверные известия о мятежнике Емельяне Пугачеве и поднятом им бунте».

Приведем некоторые мнения по поводу «Истории Пугачевского бунта».

И.И. Дмитриев: «Сочинение ваше подвергалось и здесь разным толкам, довольно смешным, но никогда дельным, одни дивились, как вы смели напоминать о том, что некогда велено было предать забвению. Нужды нет, что осталась бы прореха в Р[усской] истории».

М.П. Погодин (отзыв опубликован в 1865 году): «В самом деле, она ("История Пугачевского бунта". — В. П.) имеет гораздо